

Переселенцы Репрессированные

Сумели на своих плечах войну удержать

Жизнь Наталье Рукосуевой досталась ох какая нелёгкая! Родилась она в деревне Яркино на реке Чадобец. Хлеб в тех местах рос плохо, и часто было голодно. Четыре родных брата её отца Василия Ивановича Рукосуева попали под раскулачивание, так как много работали и жили в достатке. Отца не раскулачивали, он считался бедным, потому как не держал большого хозяйства. Он хорошо знал и очень любил лес, работал почти всю свою жизнь проводником приезжим людям, в том числе геологам. Детей у него родилось тринадцать, а в живых осталась одна Наталья, остальные умирали маленькими.

С образованием Эвенкийского национального округа на северную землю потянулись охотники, рыбаки, строители. Надумал переехать сюда и отец Наташи, а для будущей жизни выбрал факторию Оскоба. Поселилась семья сначала в заготпункте, потом у знакомых. Большинство женщин тогда не работали, занимались хозяйством и многочисленными детьми, а мужчины охотились, рыбачили, заготовливали лес, строили. Наташа от отца не отходила: рубила сучки, пилила пилой,

Наталья Рукосуева с отцом и матерью, 1948 год

Наталья Рукосуева, 1942 год

Наталья Васильевна Рукосуева (слева), 1960 год
(сверху вниз)

строгала рубанком. Строили много, ведь сначала на фактории был лишь один барак на три семьи. С приходом весны начались работы по раскорчёвке огорода в устье Оскобы. Посадили картошку, морковку, получили отличный урожай. Отец сколотил лодку и стал рыбачить. Жизнь потихоньку налаживалась. На факторию всё прибывали люди: охотники по договору с вербовщиками, парни для работы на илимках. Уже отстроили здания конторы, затем школы. На сользаводе, расположенном близ Оскобы, тоже трудились люди. Они добывали отличную соль. Везде кипела жизнь, полная труда и радости.

Отец девушки охотился рядом с Оскобой. Сына у него не было, и своё знание леса и искусство охотника он с удовольствием передавал дочери. С малых лет Наташа научилась ремеслу, проверяя вместе с папой плашки. В то время добывалось много горностая, белки, лисицы, хорька. О соболе не слыхивали, и к отцу, которого все уважали как умелого охотника, приезжали даже эвенки, чтобы спросить, что за зверь такой со следом, как у кошки, если им встречался соболь. Из меха горностая женщины делали себе красивые воротнички на платье.

Год от года люди жили всё лучше. Было много мяса, рыбы, овощей на грядках. Урожай собирались отличные, а тайга рядом с факторией щедро одаривала грибами и ягодами. Ангарские переселенцы ели только грузди и рыжики, о маслятах и понятия не имели. Помногу заготавливали голубики и брусники, обивая ягоду битками, сделанными из бересты, бочками солили огурцы. Припасы хранились в ямах-дуплах, обшитых досками.

Счастливая, наполненная трудом жизнь с общими большими праздниками за одним длинным столом, поставленным прямо на улице посёлка, резко изменилась с началом войны. Мужчин в Оскобе почти не осталось. Василия Ивановича Рукосуева на фронт по возрасту не взяли, и всё было на нём. Остался он и за машиниста, и за ветеринара, и в обозе из Кежмы всю войну муку возил. Будучи самоучкой, он хорошо лечил лошадей и многое умел. Пытался даже как-то механизировать тяжелый колхозный труд, облегчить его. Именно он приспособил сенокосилку для жатки: снопы в неё спускали и жали.

Женщины и дети делали всю работу. Наталья себя не жалела - к труду она была привычная. Работала, как и все остальные, день и ночь. Для фронта и зверофермы было нужно много рыбы. До самой шуги она рыбачила, а в сезон уходила охотиться. Чего только не случалось с молодой девушкой в тайге! Несколько раз она тонула зимой. Однажды в декабре утопила лыжу и шла пешком до зимовья целых 4 километра, вся обледеневшая. Двенадцать лет девушка проработала в Оскобе кадровым охотником! Начиналось лето - и начинались бесконечные

огородные работы. В колхозе перед войной трудился искусный старенький агроном из города Ленинграда, а Наташа у него в учениках ходила. Так и узнала в деталях, как нужно садить, как выращивать те или иные овощи. Перед самой войной агроном уехал, и вместо него стала работать Наталья. Вот здесь и пригодились те обширные знания, какие она получила от пожилого агронома. Урожаи без него не снизились, все росло отлично, а в военное время на счету была каждая морковка или луковка. На оскобских колхозных огородах много чего выращивали, в том числе прекрасный китайский лук, разведённый агрономом перед самой войной. Он был крупный, вкусный! Режешь его, а он прямо молоком истекает! Отработают женщины в поле день - даёт им Наталья по паре луковиц, чтобы было что дома съесть. Некоторым колхозницам этого мало казалось, и прятали они ещё несколько головок прямо в широких шароварах-шкерах, пытались унести лук домой. Председатель колхоза ловил их, заставлял брюки внизу развязывать и луковые головки вытряхивать.

Мужчины были на фронте, но посадки в Оскобе стали ещё больше: выращивались пшеница-скороспелка, овёс, ячмень, конопля. Зерно просеивали веялкой. В годы войны сделали даже мельницу: по кругу ходили лошади и каменными жерновами зерно мололи. Пшеница и ячмень вызревали хорошо, а вот овёс на корм лошадям косили на сено «зелёной». Ячмень толкли в ступках и пекли из него хлеб. Коноплю сеяли для кудели: рвали снопами, мочили, мяли, вили верёвки и пряли - полотенца из неё очень крепкие получались. Семя тоже использовали как начинку на пирожки. Настоящего голода, конечно, в военные годы на фактории не было, но хлеба вволю не ели.

Всё женщины сумели, удержали войну на своих плечах, ничего без мужчин не остановилось. Никакой техники практически не было, и делалось всё только руками. Как они болели, эти натруженные руки! Работали в военное время сутками, Наталья так и спала в фуфайке, не имея времени и сил раздеться.

Первого мужа Натальи забрали на фронт через неделю после свадьбы. Домой он уже не вернулся - погиб в бою. Второй муж тоже умер совсем молодым. Много труда и испытаний, мало счастливых дней - такой выпал жребий мужественной, сильной и прекрасной женщине. Но она на судьбу не жаловалась, понимая, что нелёгкой была жизнь у всего её поколения.

ИЗЛОМАННЫЕ ВОЙНОЙ СУДЬБЫ

Разными были изломанные кровавой войной детские судьбы. На хрупкие плечи ребятни часто обрушивались такие непосильные испытания, каких даже взрослый человек не выдержит.

Село, где родились сестрёнки Миллер, стояло на Волге - так далеко от Эвенкии, что и представить себе нельзя. Жили здесь в основном немцы, но встречались и русские семьи. Все соседствовали между собой дружно. Чистенькое, красивое село с домами, сложенными из самана и побеленными известью. Каза-

Минна и Вильма, 1940 год
Семья Миллер, 1938 год
Вильма Миллер, 1947 год
Вильма Ивановна
Савёлова /Миллер/,
1970 год
(сверху вниз)

лось, потеряй кто-нибудь на любой улочке иголку - она тут же отыщется, так вокруг всё было выметено. В центре села - хорошая большая школа, недалеко от неё вся в цветах и деревьях - танцевальная площадка с духовым оркестром, куда вход маленьким детям был строго запрещён. Преподавание в школе велось на немецком языке, и русский в те далёкие детские годы сестрёнки Миллер знали плохо.

Семья была дружной. Отец и мать с утра до вечера трудились в колхозе, но дома тоже держали скот и птицу: корову, нетель, двух свиней, овец, коз, кур. Хозяйство большое, и чтобы родителям было легче с ним справиться, две их дочери Минна и Вильма старались, как могли. Старшая Минна кормила кур, доила корову, по воскресеньям ходила на рынок продавать масло и яйца.

У трудолюбивой семьи Миллер домик был уютный, ухоженный. Как и в домах других немецких семей, в нём была русская печь, в которой стряпали хлеб и готовили еду. Вместо дров, а их на Волге взять было негде, использовались брикеты из навоза, смешанного с соломой. Под домом - выложенный кирпичом подвал для овощей и фруктов с выбеленными стенами и земляным полом, посыпанным чистым песочком. Чего здесь только не было! Запасы капусты в бочках, солёные арбузы, большие красивые тыквы и другие овощи. На чердаке дома по осени после забоя скота развешивались туши копчёной говядины, свинины, баранины.

Любящие набожные родители, кроткая, нежная и ласковая мама, добрый гармоничный мир вокруг - всё исчезло в один миг с приходом войны. В страшный 1941 год вместо школы девочки отправились в ссылку. Счастливое детство кончилось. Красивый дом с заготовленными на зиму припасами пришлось бросить. Семья отъезжала от него на телеге, мама кричала и рвала на себе волосы, а по дороге вслед за ними с громким мычанием всё бежала и бежала их замечательная ласковая коровушка, пытаясь догнать своих хозяев...

Вечером семью привезли в первую из многих деревню, в которых им предстояло жить. Было уже темно, но её жители сбежались, чтобы посмотреть на несчастных, с криками: «Немцы! Немцы с рогами!» Председатель колхоза разогнал зевак, поселил Миллеров в тёплом домике, дал на пропитание куль муки. Кое-кто из местных разрешил ссыльным докопать свою неубранную картошку. Выручили также колоски ячменя и пшеницы, которые дети собирали в поле.

Это было лишь началом страшных испытаний. Отправляли то в одно, то в другое место, все дальше на север, лишь только семья кое-как обживалась и приспособлялась к новому

месту. Впереди были Усть-Камо, Таимба, Мирюга, Ошарово, Панолик, Байкит, Ванавара. Вокруг холод, голод, чёрные дома. Незнакомый, страшный мир!

Самые мрачные времена наступили для Миллеров в Мирюге, куда их отправили «неводить». В большом бараке в тайге поселили сразу семь семей. Стояла лютая зима. В такие сильные морозы рыбу добыть было просто невозможно, а еда со склада начальником рыболовецкой артели Сергеем Петровичем Быковым просто так не выдавалась. «Вы мне - рыбу, а я вам - продукты», - говорил он при любых обстоятельствах. Отец, пока у него ещё были силы, срубил маленькую избушку. Начался страшный голод. Родители, отдавая дочкам последнее, очень слабели. Сначала умерла бабушка, потом отец. Мама заболела и ходила на опухших от голода ногах только с помощью палок. Стать в семье мужчиной пришлось старшей девочке Минне. Именно она хоронила бабушку и отца. Все сосланные в Мирюгу спецпереселенцы вырыли одну большую братскую могилу - с запасом, чтобы хватило и на тех, кто умрёт позже. В ней осталось лежать 12 человек! У кого было во что завернуть покойника, те заворачивали, у кого не было - клали так. Доски для гробов бабушке и отцу Минна взяла с домика, отцом же и построенного.

Расположенная в 50-ти километрах от барака ближайшая деревня Таимба спасла семью от полного вымирания. Минна стала ходить туда по таёжной тропинке: носила на продажу красивые шали и пальто, захваченные из родного дома, оставшегося на Волге. Лицо обморозит, но дойдёт, ведь больше о маме и младшей сестрёнке позаботиться некому. Переночует девушка у доброй старушки по фамилии Окладникова, и ходит по дворам, меняя вещи на хлеб, картошку, замороженное молоко. Всё, что удавалось добыть, несёт по той же тропинке назад, своей семье. Те уже почти не ходили. Минна хлебушка им приготовит, молочка разморозит, на полочку поставит - и спать! Глаза откроет только посмотреть, живы ли её родные, и снова проваливается в сон. Свою лепту в общий котёл пыталась внести и маленькая Вильма. Уже перед весной она нашла в лесу заброшенный эвенкийский лабаз, а в нём - старые сохатинные шкуры. Кое-как сбросила одну на землю, притащила домой. Шкуру разрезали на кусочки, каждый опалили на костре, надев на палочку, почистили, вымыли и варили эти кусочки для еды.

Страшное время кончилось в 1944 году, когда начальника рыболовецкой артели Быкова за его зверства посадили и назначили нового - Василия Васильевича Кокорина. На санях он отвёз старшую Минну «в няньки» в Ошарово к хорошей и доброй женщине, у которой муж погиб на

фронте. Девушка стала вести у той домашнее хозяйство, стирала, готовила, ходила за коровой, носила воду. Хозяйка очень жалела Минну, заставляла есть почаще, так что за зиму девушка так поправилась, что её мать, приехавшая на лодке весной, просто не узнала свою дочку. Василий Васильевич Кокорин пожалел и младшую Вильму с матерью: он оформил их на работу, стал выдавать ежедневную пайку хлеба.

Так семья Миллер, состоящая теперь только из трёх женщин, оказалась в Ошарово. Здесь, работая в колхозе, они уже досыта ели хлеба, мяса, сметаны и молока. Конечно, работу приходилось делать тяжёлую, но для воспитанных в трудолюбии девушек она всегда была в радость. Старшая Минна, маленькая и хрупкая, десять лет отработала на дровах: валила, пилила, выносила из лесу, грузила на пароходы. Пришлось и на илимках работать, лямку таскать. Младшая Вильма ещё подростком летом работала на колхозных пашнях, боронила в Панолিকে поля, вместе с другими ребятами разрабатывала новые, рубила на болоте огромные кочки и стаскивала их в кучи. Приходилось косить сено, молотить, а зимой работать на дровах в лесу. Тогда все подростки трудились, не покладая рук, ведь шла война.

В 1950-м году семья переехала в село Ванавара - сначала временно на зиму добывать дрова. Из лесу сёстры приходили уже вечером, промёрзшие насквозь, с тремя-четырьмя чурками на плечах, чтобы печку растопить. В военные годы ни одежды хорошей, ни обуви просто не было. На ногах только чирки, набитые сеном для тепла. К вечеру оно истопчется в труху - и ступни примерзают к земле. Хлебный паёк ещё в лесу мёрзлым съеден, так что вечер - голодный. Но вот печка растоплена, и настроение поднимается. Лежат девчонки в бараке в тепле, поют песни! Не унывали, даже на танцы бегали! Специальные чирки для танцев, которые особенно береглись и на работу не одевались, были коротенькие, аккуратные. Платышко одно на выход тоже имелось. Наглядятся, прихорошатся - и в клуб! Молодость давала силы и на веселье, и на работу.

Год пролетал за годом, у каждой из сестёр появилась семья, дети, свой дом. Эвенкия стала для них второй родиной, хотя память о далёкой Волге и наполненном солнцем и счастьем детстве, сменившимся чёрным ужасом военного лихолетья, до конца жизни не покинет их души.